

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

АПРЕЛЬ • 2014

Постановление от 15 апреля 2014 года № 11-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201404160002; дата опубликования: 16.04.2014)

Правовые категории в Постановлении: активное избирательное право; институт досрочного голосования на выборах.

Заявитель: Законодательное Собрание Владимирской области (в порядке пункта «а» части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», устанавливающие основания и порядок досрочного голосования избирателей, участников референдума, — постольку, поскольку эти положения не предполагают возможность досрочного голосования на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления граждан, которые в день голосования по уважительной причине, указанной в пункте 2 той же статьи (отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья), будут отсутствовать по месту своего жительства и не смогут прибыть в помещение для голосования на избирательном участке, на котором они включены в список избирателей.

Позиция заявителя: по мнению Законодательного Собрания Владимирской области, положения пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избиратель-

ных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не соответствуют Конституции РФ, ее статьям 3, 17, 18, 19 (часть 2), 27, 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой, исключая возможность досрочного голосования на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления по иным основаниям, кроме предусмотренных данным пунктом, и в порядке, аналогичном установленному в пунктах 2—9 той же статьи, эти положения ограничивают активное избирательное право граждан, которые в день голосования не смогут прибыть на избирательный участок, к которому относится их местожительство и где они включены в список избирателей, по таким причинам, как отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья, которые признаются уважительными применительно к досрочному голосованию при проведении референдума субъекта Российской Федерации, местного референдума, и ставят этих граждан как избирателей в заведомо неравное положение с другими избирателями.

Итоговый вывод решения: пункт 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» признан не соответствующим

щим Конституции РФ, ее статьям 3 (части 2 и 3), 19 (части 1 и 2), 32 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой содержащиеся в нем положения — в системе действующего правового регулирования — исключают для гражданина Российской Федерации, который в день голосования будет отсутствовать по месту своего жительства и не сможет прибыть в помещении для голосования на избирательном участке, на котором он включен в список избирателей, по уважительной причине (отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья), возможность проголосовать досрочно на выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления в порядке, аналогичном установленному пунктами 2—9 той же статьи.

Мотивы решения. Конституционной природой избирательных прав предопределяется обязанность государства создавать условия, которые гарантировали бы адекватное выражение суверенной воли многонационального народа России, посредством осуществления ее гражданами права на участие в управлении делами государства. Этим обуславливается обязанность законодателя устанавливать нормативно-правовые и организационные механизмы, которые обеспечивали бы эффективную реализацию гражданами Российской Федерации своих избирательных прав на основе баланса законных интересов каждого гражданина и общества в целом и которые могут быть признаны конституционно обоснованными, только если они надлежащим образом гарантируют равные и справедливые условия осуществления этих прав и легитимацию органов публичной власти, формируемых по итогам демократических выборов, в том числе путем предоставления каждому гражданину, обладающему активным избирательным правом, возможности участия в выборах в качестве избирателя.

Закрепление на конституционно-правовом и международно-правовом уровнях права избирать как одного из важнейших элементов правового статуса гражданина в демократическом обществе, рассматриваемых в контексте правовых позиций Конституционного Суда РФ (см.: *постановления от 22 января 2002 года № 2-П, от 29 ноября 2004 года № 17-П, от 11 марта 2008 го-*

да № 4-П, от 7 июля 2011 года № 15-П, от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 10 октября 2013 года № 20-П и от 19 декабря 2013 года № 28-П), означает необходимость соблюдения при законодательном регулировании порядка проведения выборов и организации голосования на них требований, вытекающих из конституционного принципа равенства. Кроме того, необходимо установление процедур, которые позволят обеспечивать их честность, прозрачность, безопасность и предотвращать возможные злоупотребления, не допуская в отношении граждан, обладающих активным избирательным правом, необоснованных ограничений, равно как и чрезмерных, вынуждающих к отказу от участия в голосовании обременений.

Определяя порядок реализации гражданами активного избирательного права, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» предусматривает, что голосование на выборах как его важнейшая составляющая осуществляется, по общему правилу, посредством заполнения избирателем избирательного бюллетеня в день голосования в помещении для голосования на избирательном участке по месту жительства, где он включен в список избирателей (статьи 17, 61, 63 и 64), и одновременно — учитывая наличие или возможность возникновения обстоятельств, препятствующих или существенным образом затрудняющих совершение избирателем указанных действий именно в данный день и в данном месте, — устанавливает исключения из этого общего правила, в частности позволяющие участвовать в голосовании в день выборов по открепительным удостоверениям и вне помещения для голосования (статьи 62 и 66), предоставляющие возможность голосования по почте (пункт 14 статьи 64), а также досрочного голосования (пункт 1 статьи 65).

Цель введения таких дополнительных организационно-правовых механизмов — в максимальной степени обеспечить избирателям возможность отдать свои голоса на выборах сообразно собственным предпочтениям, не допуская несоразмерных обременений, не создавая непреодолимых препятствий и имея при этом в виду, что для выявления подлинного волеизъявления избирателей при установлении итогов голосования и определения

результатов выборов ни один из поданных голосов не должен остаться неучтенным, — в полной мере согласуется со статьями 2, 3 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2) и 32 (части 1 и 2) Конституции РФ.

Субсидиарные институты, призванные в качестве дополнительных гарантий обеспечивать осуществление активного избирательного права, в том виде, в каком они функционируют в системе действующего правового регулирования, имеют существенные недостатки, которые препятствуют гражданам, желающим принять участие в голосовании на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления, но по различным уважительным причинам не могущим сделать этого в день голосования на избирательных участках, где они включены в список избирателей, отдать свои голоса на выборах и тем самым реализовать конституционное право избирать.

Не отрицая саму по себе возможность сужения федеральным законодателем использования института досрочного голосования в пользу других, более приемлемых в тех или иных конкретно-исторических условиях функционирования избирательной системы дополнительных гарантий, компенсирующих отказ от досрочного голосования, следует иметь в виду, что изменения, вносимые в правовое регулирование, в том числе с учетом влияния таких факторов, как внутренняя трудовая миграция, сезонные работы, периоды массовых дачных работ и отпусков, должны отвечать критериям необходимости, разумности и соразмерности, с тем чтобы не приводить к нарушению прав и свобод, гарантируемых Конституцией РФ.

Законоположения в части, не допускающей использование института досрочного голосования в иных, помимо предусмотренных им и весьма ограниченных, случаях, императивным образом препятствуют организации досрочного голосования по другим основаниям, чем ограничивают активное избирательное право тех граждан, которые по уважительным причинам не могут в день голосования прибыть на свой избирательный участок, причем это ограничение в системе действующего правового регулирования во многих случаях не компенсируется иными установленными избирательным законодательством

гарантиями права на участие в выборах в качестве избирателя и способно подтолкнуть гражданина к отказу от участия в голосовании, если по таким причинам, как отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья, он не сможет присутствовать в день голосования на территории соответствующего избирательного округа (на избирательном участке).

Поскольку права граждан Российской Федерации на свободу передвижения, на труд, отдых, охрану здоровья, образование (статья 27, части 1 и 2 статьи 37, часть 1 статьи 41, часть 1 статьи 43 Конституции РФ) являются такими же конституционно признаваемыми и защищаемыми ценностями, как и избирательные права, принцип соблюдения баланса конституционно значимых ценностей требует обеспечения каждой из них без несоразмерного ущерба для прочих, а потому правовое регулирование, которое ставит гражданина в ситуацию вынужденного выбора, от реализации какого конституционного права он должен будет отказаться, для того чтобы воспользоваться другим, следует рассматривать как посягающее на это другое право, его отрицание (во всяком случае, в данных конкретных обстоятельствах).

Такое регулирование, вводящее неравные возможности использования института досрочного голосования на выборах и на референдуме и тем самым прямо противопоставляющее эти институты по объему гарантий реализации права на участие в голосовании, нарушает установленный Конституцией РФ в качестве одной из основ конституционного строя принцип, согласно которому и референдум, и свободные выборы являются высшими формами осуществления народовластия. Кроме того, отказ в праве на досрочное голосование избирателям, которые в день голосования по уважительным причинам, таким как отпуск, командировка, режим трудовой и учебной деятельности, выполнение государственных и общественных обязанностей, состояние здоровья, будут отсутствовать по месту своего жительства и не смогут прибыть на избирательный участок, на котором они включены в список избирателей, ставит их в неравное положение по сравнению с другими гражданами, которые такую возможность имеют.

Иные же субсидиарные механизмы (голосование по открепительным удостоверениям и по почте) в системе действующего правового регулирования не обеспечивают надлежащим образом реализацию права избирателей принять участие в голосовании и не оправдывают в полной мере своего предназначения в качестве дополнительных гарантий осуществления гражданами Российской Федерации активного избирательного права.

Следует отметить, что к данному Постановлению было изложено два особых мнения судей Конституционного Суда РФ — С. М. Казанцева и Ю. М. Данилова. Судья С. М. Казанцев считает, что ограничение досрочного голосования, предусмотренное положением пункта 1 статьи 65 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», не противоречит Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования направлено на обеспечение прозрачности (открытости) свободных выборов, не посягает на само существо избирательного права, не приводит к утрате его реального содержания и не проти-

воречит конституционным принципам справедливости и соразмерности и вытекающим из них требованиям адекватности и пропорциональности. Судья Ю. М. Данилов, полностью поддерживая проведенный анализ и выводы, изложенные в особом мнении судьи С. М. Казанцева, дополнительно привел некоторые обоснования к данному выводу.

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункт «b» статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод; статья 21 Всеобщей декларации прав человека; статья 3 Европейской хартии местного самоуправления; статья 1 Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах — участниках Содружества Независимых Государств; Руководящие принципы относительно выборов, содержащиеся в подготовленном Европейской комиссией за демократию через право (Венецианской комиссией) Своде рекомендуемых норм при проведении выборов (Венеция, 18–19 октября 2002 года; Страсбург, 30 октября 2002 года).

Постановление от 22 апреля 2014 года № 12-П по делу о проверке конституционности пунктов 2–6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201404230016, дата опубликования: 23.04.2014)

Правовые категории в Постановлении: долевая собственность на земельный участок; выдел земельного участка; действие закона во времени.

Заявители: граждане В. Л. Герасименко и Л. Н. Герасименко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункты 2–6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в той мере, в какой они служат основанием для разрешения вопроса о порядке принятия участником долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения решения о выделе земельного участка в счет своей земельной доли, размере и местоположении границ этого участка при на-

личии принятого ранее в порядке, предусмотрившемся той же статьей в первоначальной редакции, решения общего собрания участников долевой собственности на земельный участок, которым было утверждено местоположение части такого участка, предназначенной для выдела земельных участков в счет земельных долей в первоочередном порядке.

Позиция заявителя: оспариваемые законоположения не соответствуют статьям 2, 3, 15, 18, 19, 33, 36, 46 и 72 Конституции, поскольку не позволяют участнику долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения самостоятельно принять решение о выделе земельного участка, определив его размер и местоположение границ в подготовленном кадастровым

инженером проекте межевания земельного участка, если общим собранием участников долевой собственности на основании прежнего правового регулирования уже было принято решение относительно местоположения земельного участка, предназначенного для выдела в первоочередном порядке. По мнению заявителей, подобного рода решения следуют судьбе правовой нормы, в порядке реализации которой они вынесены, порождаемая же оспариваемыми законоположениями правовая неопределенность в вопросе о сохранении юридической силы решений общих собраний участников долевой собственности на земельный участок, принятых во исполнение статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в первоначальной редакции, приводит к их неоднозначному истолкованию и, следовательно, произвольному применению.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения пунктов 2–6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе правового регулирования, действующего с момента вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования оборота земель сельскохозяйственного назначения», то есть с 1 июля 2011 года, эти положения допускают выдел земельного участка в счет земельной доли участника долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения без учета принятого до этой даты решения общего собрания участников долевой собственности об утверждении местоположения части находящегося в долевой собственности земельного участка, предназначенной для выделения земельных участков в счет земельных долей в первоочередном порядке.

Мотивы решения: рассматривая вопрос о конституционности оспариваемых норм, Суд указал, что статья 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ, представляла участнику долевой собственности на зе-

мельный участок из земель сельскохозяйственного назначения возможность самостоятельно определить местоположение выделяемого в счет своей земельной доли земельного участка, опубликовав соответствующее сообщение в средствах массовой информации, но лишь при условии, что решением общего собрания участников долевой собственности на земельный участок не было утверждено местоположение его части, предназначенной для выдела земельных участков в счет земельных долей в первоочередном порядке. Такие решения обеспечивали защиту коллективного интереса участников долевой собственности, желающих сохранить его статус, и, соответственно, не были ориентированы на учет экономических интересов лиц, которые в будущем могут изъявить желание выделить земельный участок в счет своих земельных долей, притом что они фактически лишались возможности оспорить принятое решение в судебном порядке с точки зрения целесообразности того или иного варианта выдела земельного участка.

Принимая Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ, федеральный законодатель скорректировал подход к обеспечению оборота земель сельскохозяйственного назначения. В частности, была изложена в новой редакции статья 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения», изменившая порядок образования земельных участков, выделяемых из земельного участка, находящегося в долевой собственности. Как следует из пунктов 3 и 4 данной статьи, земельный участок может быть образован на основании решения общего собрания участников долевой собственности в случае, если данным решением утверждены проект межевания земельных участков, перечень собственников образуемых земельных участков и размер их долей в праве общей собственности на образуемые земельные участки. Если же указанное решение общего собрания участников долевой собственности отсутствует, собственник земельной доли заключает договор с кадастровым инженером, который подготавливает проект межевания земельного участка для выдела земельного участка. Согласно пункту 9 статьи 131 данного Федерального закона, проект межевания земельного участка (размер и местоположение границ выделяемого земельного участ-

ка), утверждаемый решением собственника земельной доли, подлежит обязательному согласованию с участниками долевой собственности.

Таким образом, положения пунктов 2–6 статьи 13 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» в ныне действующей редакции в нормативном единстве с положениями его статьи 131 имеют целью более полную реализацию в земельных отношениях конституционно значимых начал гражданского законодательства, в том числе его дозволительной направленности и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, и тем самым — обеспечение баланса частных и коллективных интересов участников долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения. Кроме того, изменение порядка реализации участником долевой собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения права на выдел земельного участка в счет своей земельной доли направлено на обеспечение максимально эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения.

Суд также указал, что преобразование отношений в той или иной сфере жизнедеятельности не может осуществляться вопреки общему (основному) принципу действия закона во времени, который означает, что действие закона распространяется на отношения, возникшие после введения его в действие, и только законодатель вправе придать закону обратную силу (ретроактивность) либо, на-

против, допустить в определенных случаях возможность применения утративших силу норм (ультраактивность).

Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ не содержит положения о распространении нового правового регулирования на отношения по образованию земельных участков, процедура выдела которых была инициирована до его вступления в силу, то есть до 1 июля 2011 года, а потому такая процедура должна осуществляться в прежнем порядке. Соответственно, выдел земельных участков, инициированный после указанной даты, должен осуществляться с учетом изменений, внесенных в Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 435-ФЗ: данная процедура не связывается с необходимостью учета ранее принятых решений общих собраний участников долевой собственности об утверждении местоположения части находящегося в долевой собственности земельного участка, предназначенной для выдела земельных участков в счет земельных долей в первоочередном порядке, поэтому такие решения должны утратить свое юридическое значение.

Иное в нарушение статьи 19 (части 1 и 2) Конституции ставило бы лиц, претендующих на выдел земельных участков в счет своих земельных долей, в неравное положение с со-собственниками тех земельных участков, в которых предназначенная для выдела в первоочередном порядке часть не была определена ранее и, соответственно, не может быть определена впредь.

Постановление от 22 апреля 2014 года № 13-П по делу о проверке конституционности частей 5 и 7 статьи 12.16, части 12 статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201404240041, дата опубликования: 24.04.2014)

Правовые категории в Постановлении: административная ответственность; административное наказание; обеспечение безопасности дорожного движения.

Заявители: группа депутатов Государственной Думы (в порядке пункта «а» части 2 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения частей 5 и 7 статьи 12.16, части 1² статьи 12.17, частей 5 и 6 статьи 12.19 и части 2 статьи 12.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях как устанавливающие административную ответственность в виде административного штрафа

в повышенном размере за указанные в данных статьях административные правонарушения, если они совершены в субъектах Российской Федерации — городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге.

Позиция заявителя: оспариваемые положения КоАП РФ в части, устанавливающей административную ответственность за предусмотренные ими административные правонарушения, совершенные в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, нарушают принцип юридического равенства, закрепленный в статьях 6 (часть 2), 19 (часть 2), 55 и 62 (часть 3) Конституции, поскольку вводят на территории этих субъектов Российской Федерации административные штрафы в размере, повышенном по сравнению со штрафами за те же административные правонарушения, совершенные в других субъектах Российской Федерации.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд признал положения части 5 и 7 статьи 12.16, часть 1² статьи 12.17, части 5 и 6 статьи 12.19 и часть 2 статьи 12.28 КоАП РФ, предусматривающие наложение административных штрафов в повышенном размере за указанные в них административные правонарушения в области дорожного движения, если они совершены в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге, не противоречащими Конституции, поскольку установленное ими регулирование основано на объективных критериях и учитывает специфику дорожно-транспортной обстановки на территориях данных субъектов Российской Федерации как крупнейших городских населенных пунктов Российской Федерации. Признанием оспоренных законоположений не противоречащими Конституции не исключается правомочие федерального законодателя внести в КоАП РФ изменения, которые позволят субъектам Российской Федерации осуществлять в установленных федеральным законом пределах правовое регулирование в части определения размеров административных штрафов за предусмотренные указанными законоположениями административные правонарушения, а также за другие предусмотренные данным Кодексом административные правонарушения в области дорожного движения, негативные последствия совершения которых для охраняемых общественных отношений требуют оценки с учетом

особенностей их проявления на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

Мотивы решения. При установлении мер административной ответственности за административные правонарушения, в частности в области дорожного движения, законодатель связан принципами юридического равенства и справедливости, равно как и вытекающими из статей 17 (часть 3), 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции критериями возможных ограничений прав и свобод, соблюдение которых допускает дифференциацию, приводящую к различиям в правах и обязанностях субъектов права, только в том случае, если она объективно оправданна, обоснована и преследует конституционно значимые цели, а используемые для достижения этих целей правовые средства соразмерны им (см.: *Постановление от 17 января 2013 года № 1-П*).

Конституционный Суд отметил, что в системе действующего правового регулирования административной ответственности не исключается — как следствие соответствующих законодательных решений субъектов Российской Федерации — дифференцированное закрепление как оснований административной ответственности, так и размеров административных санкций применительно к одним и тем же составам административных правонарушений в различных субъектах Российской Федерации.

Согласно Федеральному закону от 10 декабря 1995 года № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», единый порядок дорожного движения на всей территории Российской Федерации закрепляется Правилами дорожного движения (далее — ПДД), утверждаемыми Правительством РФ (пункт 4 статьи 22). Во взаимосвязи со статьей 1.3 КоАП РФ это означает, что административная ответственность за нарушение ПДД подлежит установлению в данном Кодексе и что именно федеральный законодатель, если он усматривает различия в последствиях совершения одного и того же деяния в том или ином регионе, правомочен, оставаясь в рамках раздела I «Общие положения» данного Кодекса, повысить в связи с этим административную ответственность за него на той территории, где эти последствия наиболее ощу-

Федеральный законодатель на основе имеющихся у него данных и в рамках предоставленной ему дискреции определил в качестве территорий, где ввиду сложной дорожно-транспортной обстановки требуется введение повышенных мер административной ответственности за отдельные административные правонарушения в области дорожного движения, территории городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга.

Регулирование, установленное оспариваемыми положениями КоАП РФ, будучи обусловленным спецификой дорожно-транспортной обстановки на территории городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, преследует конституционно-значимую цель — обеспечение безопасности дорожного движения и как таковое не может рассматриваться как несовместимое с требованиями Конституции РФ.

Не является основанием для оценки данного правового регулирования как не соответствующего Конституции установление повышенных размеров административных штрафов за совершение на территории Москвы и Санкт-Петербурга лишь за некоторые из предусмотренных главой 12 КоАП РФ составов правонарушений, поскольку эти административные правонарушения могут оказать наиболее негативное воздействие на дорожную обстановку.

Факт неоднородности территории Москвы и Санкт-Петербурга с точки зрения напряженности дорожно-транспортной обстановки также не может свидетельствовать о нарушении частями 5 и 7 статьи 12.16, частью 1² статьи 12.17, частями 5 и 6 статьи 12.19 и частью 2 статьи 12.28 КоАП РФ конституционного требования пропорциональности в части размера предусмотренных ими санкций. Кроме того, предусмотренные данными законоположениями меры административной ответственности подлежат применению равным образом ко всем лицам, совершившим соответствующие административные правонарушения на территориях Москвы и Санкт-Петербурга, и, следовательно, критерии равенства и соразмерности в ограничении конституционных прав и свобод не нарушаются.

Объективные критерии, лежащие в основе выделения двух субъектов Российской Федерации — городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга, на территории

которых в целях обеспечения безопасности дорожного движения устанавливается повышенная административная ответственность за отдельные административные правонарушения, позволяют прийти к выводу и об отсутствии нарушения закрепленных Конституцией принципов федеративного устройства (часть 3 статьи 5), а также разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов, поскольку в данном случае правовое регулирование, предпринятое в сфере административного законодательства (пункт «к» части 1 статьи 72), осуществлено по вопросам, непосредственно связанным с ограничением конституционных прав и свобод, которое возможно только на основании федерального закона (части 1 и 2 статьи 35, часть 3 статьи 55; пункт «в» статьи 71).

Суд отметил также, что в силу статей 5 (часть 3) и 72 (пункты «б», «к») Конституции и основанных на них правовых позиций Конституционного Суда (см.: *постановления от 9 января 1998 года № 1-П и от 11 апреля 2000 года № 6-П*) федеральный законодатель не только правомочен устанавливать повышенные размеры административных штрафов за административные правонарушения в области дорожного движения на тех или иных территориях исходя из специфики их дорожно-транспортной ситуации, но и вправе рассмотреть вопрос о внесении в КоАП РФ изменений, которые позволят субъектам Российской Федерации осуществлять в установленных федеральным законом пределах правовое регулирование в части определения размеров административных штрафов за административные правонарушения, предусмотренные частями 5 и 7 статьи 12.16, частью 1² статьи 12.17, частями 5 и 6 статьи 12.19 и частью 2 статьи 12.28 КоАП РФ, а также за другие предусмотренные данным Кодексом административные правонарушения в области дорожного движения, негативные последствия совершения которых для охраняемых общественных отношений требуют оценки с учетом особенностей их проявления на территории конкретного субъекта Российской Федерации.

При этом субъекты Российской Федерации в рамках реализации права законодательной инициативы во всяком случае не лишены возможности обратиться к Федеральному Собранию с предложением рассмот-

реть вопрос об установлении повышенной административной ответственности за нарушения в области дорожного движения в от-

дельных населенных пунктах, если этого требует специфика дорожно-транспортной обстановки.

МАЙ • 2014

Постановление от 13 мая 2014 года № 14-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201405150002; дата опубликования: 15.05.2014)

Правовые категории в Постановлении: публичные мероприятия; шествие; уведомление о проведении публичного мероприятия; право на свободу мирных собраний; нерабочие праздничные дни.

Заявитель: гражданин А. Н. Якимов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» постольку, поскольку она служит основанием для решения вопроса о сроке подачи уведомления о проведении публичного мероприятия в случае, если этот срок, определяемый по общему правилу (не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия), полностью совпадает с нерабочими праздничными днями.

Позиция заявителя: заявитель усматривает нарушение частью 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, шествиях и пикетированиях» права на свободу мирных собраний в том, что ее положения — с учетом установленного Трудовым кодексом РФ правового регулирования нерабочих праздничных дней, а также во взаимосвязи с нормативными правовыми актами Санкт-Петербурга, определяющими порядок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия, — создают непреодолимые препятствия для проведения публичного мероприятия в ситуации, когда предусмотренный названным Федеральным законом срок подачи уведомления о проведении публичного мероприятия приходится на период нерабочих праздничных дней, и тем самым противоречат статьям 31 и 55 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: часть 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях,

митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 31 и 55 (часть 3), в той мере, в какой содержащиеся в ней положения — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, — не обеспечивают возможность подачи уведомления о проведении публичного мероприятия для случаев, когда определяемый по общему правилу срок подачи уведомления (не ранее 15 и не позднее 10 дней до дня проведения публичного мероприятия) полностью совпадает с нерабочими праздничными днями.

Мотивы решения. Правомерное осуществление гражданами и их объединениями права на свободу мирных собраний требует выработки четких, не выходящих за рамки допустимых в демократическом правовом государстве ограничений прав и свобод человека и гражданина правил их организации и проведения.

Конституция РФ не содержит каких-либо специальных изъятий в отношении тех или иных сроков (периодов) проведения публичных мероприятий — ограничения подобного рода могут быть введены федеральным законом лишь постольку, поскольку они вызваны целями обеспечения публичных интересов, перечисленных в статье 55 (часть 3) Конституции РФ, адекватны социально значимому результату и, не будучи чрезмерными, необходимы и строго обусловлены этими публичными интересами; цели же одной только рациональной организации деятельности органов власти, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, не могут служить основанием для ограничения прав и свобод (см.: *постановления от 20 декабря 1995 года*

№ 17-П, от 14 ноября 2005 года № 10-П, от 26 декабря 2005 года № 14-П, от 16 июля 2008 года № 9-П, от 7 июня 2012 года № 14-П и др.).

Принимая во внимание, что для достижения целей публичного мероприятия дата (число определенного месяца) его проведения может иметь особое значение, если данное публичное мероприятие неразрывно связано с этой датой или годовщиной определенного события, исключение как таковой возможности провести публичное мероприятие в избранный его организатором день — при отсутствии для этого достаточно веских оснований, обусловленных требованиями статьи 55 (часть 3) Конституции РФ, — может рассматриваться как несовместимое с Конституцией РФ уменьшение права на свободу мирных собраний.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 14 февраля 2013 года № 4-П пришел к следующему выводу: возложение на организатора публичного мероприятия обязанности подать предварительное уведомление о проведении публичного мероприятия преследует цель заблаговременно довести до соответствующих органов публичной власти необходимую информацию о форме, месте (маршруте движения), времени начала и окончания публичного мероприятия, предполагаемом количестве его участников, способах (методах) обеспечения общественного порядка и организации медицинской помощи, а также об организаторах и лицах, уполномоченных выполнять распорядительные функции по организации и проведению публичного мероприятия; в противном случае органы публичной власти, не имея адекватного представления о планируемом публичном мероприятии, его характере и масштабах, лишались бы реальной возможности исполнить возложенную на них Конституцией РФ, прежде всего ее статьей 2, обязанность по соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина и принять необходимые меры, в том числе профилактические и организационные, направленные на обеспечение безопасных как для самих участников публичного мероприятия, так и для иных лиц условий проведения публичного мероприятия.

Из приведенной правовой позиции следует, что установление на законодательном уровне обязанности организатора публичного мероприятия заблаговременно подать уве-

домление о его проведении в уполномоченный орган публичной власти не может рассматриваться как отступление от конституционных основ права на свободу мирных собраний, — напротив, оно направлено на обеспечение в процессе реализации данного права баланса частных и публичных интересов.

Законодатель субъекта Российской Федерации при определении в соответствии с федеральным законодательством процедурных правил, касающихся подачи уведомления о проведении публичного мероприятия, может предусматривать дополнительные гарантии права на свободу мирных собраний, если это необходимо для его эффективной реализации в конкретных условиях, и во всяком случае вправе осуществлять правовое регулирование, которое искажает само существо данного права и снижает уровень его федеральных гарантий, закрепленных на основе Конституции РФ федеральными законами, а также вводит какие-либо его ограничения, поскольку таковые устанавливаются только федеральным законом. При этом федеральный законодатель исходил из того, что детализированная регламентация порядка подачи уведомления подлежит закреплению на уровне законов субъектов Российской Федерации, притом что вводимые ими организационно-процедурные механизмы могут быть различными, но в любом случае должны отвечать предназначению правового регулирования в этой сфере.

При установлении порядка подачи уведомления о проведении публичного мероприятия субъекты Российской Федерации не вправе каким-либо образом изменять и корректировать установленный Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» порядок расчета срока исполнения организатором публичного мероприятия соответствующей обязанности, в том числе вводить — при отсутствии для этого предусмотренных на уровне федерального законодательства нормативных оснований — специальные правила исчисления указанного срока для случаев, когда определяемый по общему правилу срок подачи уведомления совпадает с нерабочими праздничными днями. Данный вывод подтверждается позицией федерального законодателя, который применительно к ситуациям, связанным с совпадением срока подачи уве-

домления о проведении публичного мероприятия в форме пикетирования группой лиц с воскресеньем и (или) нерабочим праздничным днем (нерабочими праздничными днями), счел необходимым урегулировать данный вопрос непосредственно в названном Федеральном законе, предусмотрев увеличенный — с трех до четырех дней до дня проведения такого публичного мероприятия — срок подачи соответствующего уведомления (второе предложение части 1 статьи 7). В отношении же совпадения таких сроков с нерабочими праздничными днями при подаче уведомления о проведении иных, помимо пикетирования группой лиц, публичных мероприятий подобные оговорки в названном Федеральном законе отсутствуют.

Предполагается, что законодатель субъекта Российской Федерации при выполнении возложенного на него федеральным законом полномочия по урегулированию порядка подачи уведомления о проведении публичных мероприятий не может не вводить для случаев, когда установленный федеральным законодательством срок подачи уведомления полностью приходится на нерабочие праздничные дни, те или иные гарантии своевременной подачи организатором публичного мероприятия уведомления о его проведении.

Поскольку Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» непосредственно не определяет конкретные способы (формы) подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий и не содержит прямо адресованной субъектам Российской Федерации обязанности урегулировать порядок приема и рассмот-

рения уведомлений, срок подачи которых приходится на нерабочие праздничные дни, в правоприменительной практике, в том числе основанной на правовом регулировании, осуществляемом субъектами Российской Федерации в порядке конкретизации федерального законодательства, не выработаны специальные организационно-правовые механизмы и процедуры, позволяющие организатору публичного мероприятия, срок подачи уведомления о проведении которого полностью приходится на нерабочие праздничные дни, надлежащим образом исполнить возложенную на него обязанность. В результате проведение отдельных видов публичных мероприятий, включая шествия, в некоторые периоды нерабочих праздничных дней (в частности, дни января каждого года) оказывается, по существу, невозможным.

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункт 1 статьи 20 Всеобщей декларации прав человека; статья 21 Международного пакта о гражданских и политических правах; статья 11 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; постановления Европейского Суда по правам человека от 26 июля 2007 года по делу «Баранкевич против России», от 23 октября 2008 года по делу «Сергей Кузнецов против России», от 10 июля 2012 года по делу «Берладир и другие против России», от 5 декабря 2006 года по делу «Оя Атаман (*Oya Ataman*) против Турции», от 18 декабря 2007 года по делу «Нуреттин Альдемир (*Nurettin Aldemir*) и другие против Турции», от 7 октября 2008 года по делу «Мольнар (*Molnar*) против Венгрии».

Постановление от 19 мая 2014 года № 15-П по делу о проверке конституционности части 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201405210001; дата опубликования: 21.05.2014)

Правовые категории в Постановлении: пенсия за выслугу лет; военнослужащий; ежемесячная денежная компенсация в связи с инвалидностью вследствие военной травмы; принцип недопустимости повторного предоставления одинаковых по своей правовой природе социальных выплат.

Заявитель: гражданин Г. В. Ледовской (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в той мере, в какой она служит основанием для решения вопроса о

предоставлении предусмотренной частью 13 данной статьи ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью, гражданам, являющимся инвалидами вследствие военной травмы, полученной в период военной службы по призыву, если до установления инвалидности они проходили службу в органах внутренних дел, в связи с чем им установлена пенсия за выслугу лет, выплачиваемая с учетом увеличения, предусмотренного пунктом «а» статьи 16 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Позиция заявителей: нарушение частью 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» своего права на социальное обеспечение, гарантированного статьей 39 Конституции РФ, заявитель усматривает в том, что она позволяет отказывать в выплате ежемесячной денежной компенсации, установленной частью 13 той же статьи, лицам, получающим после увольнения из органов внутренних дел пенсию за выслугу лет, увеличенную в связи с инвалидностью вследствие военной травмы, полученной до поступления на службу в органы внутренних дел, а именно во время военной службы по призыву.

Итоговый вывод решения: часть 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» соответствует Конституции РФ в той мере, в какой содержащееся в ней законоположение в системе действующего правового регулирования устанавливает принцип недопустимости повторного предоставления по одному основанию одинаковых по своей правовой природе выплат, в том числе ежемесячной денежной компенсации в связи с инвалидностью вследствие военной травмы, и не предполагает возможность произвольного отказа от предоставления военнослужащим, получившим военную травму в период прохождения военной службы по призыву и впоследствии признанным инвалидами, предусмотренной частью 13 той же статьи ежемесячной денежной ком-

пенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью.

В то же время часть 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 39 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой содержащееся в ней законоположение — по смыслу, придаваемому ему в системе действующего правового регулирования правоприменительной практикой, — служит основанием для отказа в выплате ежемесячной денежной компенсации, предусмотренной частью 13 данной статьи, тем гражданам, которые получили военную травму в период прохождения военной службы по призыву и после увольнения с военной службы до установления инвалидности вследствие военной травмы проходили службу в органах внутренних дел, в связи с чем получают пенсию за выслугу лет, выплачиваемую с учетом увеличения, предусмотренного пунктом «а» статьи 16 Закона РФ «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей».

Мотивы решения. Анализируя правовую природу увеличения пенсий за выслугу лет, Конституционный Суд РФ, опираясь на правовые позиции, выраженные в постановлениях от 15 июля 2009 года № 13-П и от 20 октября 2010 года № 18-П, пришел к выводу, что оно направлено на предоставление инвалидам вследствие военной травмы, которым назначена пенсия за выслугу лет, более высокого по сравнению с военными пенсионерами, не являющимися инвалидами, уровня пенсионного обеспечения и, будучи одним из правовых средств возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих при исполнении ими обязанностей военной службы, не исключает использование в рамках специального публично-правового механизма иных способов возмещения такого вреда, а потому не затрагивает право военнослужащего, получившего военную травму, на установление иных выплат, имеющих целью возмещение вреда здоровью (см.: *Определение от 25 ноября 2010 года № 1533-О-О*).

В связи с этим в случае признания военнослужащего или гражданина, призванного на военные сборы, в период прохождения либо после увольнения с военной службы (военных сборов) инвалидом вследствие военной травмы, то выплачиваемая ему на основании части 13 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» ежемесячная денежная компенсация имеет целью назначением обеспечение гражданину государственной поддержки для восполнения понесенных материальных потерь, связанных с невозможностью дальнейшего прохождения военной службы. Будучи самостоятельным видом социального обеспечения, данная выплата назначается вне связи с продолжительностью военной службы и вне какой-либо зависимости от последующего (до установления инвалидности) прохождения указанными лицами приравненной к военной иной федеральной государственной службы, в том числе службы в органах внутренних дел (если их инвалидность имеет причинно-следственную связь с несением военной службы), в размере, обусловленном исключительно группой инвалидности и подлежащем, согласно части 16 той же статьи, ежегодному увеличению (индексации) с учетом уровня инфляции (потребительских цен) в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период на основе решения, принимаемого Правительством РФ.

Таким образом, по своей правовой природе ежемесячная денежная компенсация предназначена для возмещения материальных и социальных потерь, возникающих в связи с инвалидностью вследствие военной травмы, не связана напрямую с другими выплатами, в том числе пенсионными, и мерами социальной поддержки военнослужащих и направлена исключительно на социальную защиту инвалидов в зависимости от степени утраты трудоспособности (см.: *постановления от 1 декабря 1997 года № 18-П, от 20 декабря 2010 года № 21-П и от 7 ноября 2012 года № 24-П*).

В то же время часть 15 статьи 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» закрепляет принцип недопустимости повторного предоставления одинаковых по

своей правовой природе социальных выплат. Норма, устанавливающая указанный принцип в рамках публично-правового механизма возмещения вреда, причиненного здоровью военнослужащих, направлена на обеспечение эффективного функционирования данного правового механизма с учетом необходимости поддержания баланса публичных и частных интересов и обеспечения реализации гражданами, являющимися инвалидами вследствие военной травмы, права на возмещение вреда, причиненного здоровью, не предполагает возможность произвольного отказа от предоставления военнослужащим, получившим военную травму в период прохождения военной службы по призыву и впоследствии признанным инвалидами, предусмотренной частью 13 той же статьи ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, причиненного здоровью, и как таковая не противоречит Конституции РФ.

В силу того, что увеличение пенсии за выслугу лет и ежемесячная денежная компенсация в связи с инвалидностью вследствие военной травмы различаются по своей правовой природе и целевому назначению, а потому не могут рассматриваться как аналогичные выплаты. Что касается специфики правового положения граждан, к числу которых относится заявитель по настоящему делу, то они — в отличие от лиц, получивших военную травму в период прохождения военной службы по призыву и затем продолживших военную службу по контракту либо получивших военную травму в период прохождения службы во внутренних войсках Министерства внутренних дел РФ, — лишаются возможности получения ежемесячной денежной выплаты на том лишь основании, что военная травма получена ими в период прохождения военной службы по призыву, а пенсия за выслугу лет назначена в связи с прохождением службы в органах внутренних дел. Следовательно, действующее правовое регулирование в его истолковании правоприменительной практикой — вопреки цели, которую при принятии Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» преследовал федеральный законодатель, — приводит к необоснованным различиям в объеме социальных прав таких граждан в зависимости от того, какую профессиональную деятельность (работу,

службу и т. д.) осуществлял гражданин после получения военной травмы и увольнения с военной службы. Такая дифференциация в сфере социальной защиты лиц, относящихся к одной и той же категории (инвалиды вслед-

ствие военной травмы), несовместима с конституционным принципом равенства и не согласуется с конституционно значимыми целями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина.

Постановление от 20 мая 2014 года № 16-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201405220001; дата опубликования: 22.05.2014)

Правовые категории в Постановлении: уголовная ответственность несовершеннолетних; подсудность уголовных дел; суд с участием присяжных заседателей; принципы гуманизма и юридического равенства.

Заявитель: гражданин В. А. Филимонов (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ постольку, поскольку — с учетом установленной пунктом 2 части второй статьи 30 данного Кодекса подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей — содержащиеся в нем положения не предполагают возможность рассмотрения таким составом суда уголовных дел о преступлениях, по которым в соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, если в таких преступлениях обвиняются лица, не достигшие ко времени их совершения восемнадцатилетнего возраста.

Позиция заявителей: нарушение Конституции РФ, ее статей 1 (часть 1), 2, 17, 18, 19 (часть 1), 38 (часть 1), 45, 47, 54 (часть 1) и 55 (часть 2), примененными в отношении него положениями части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ заявитель усматривает в том, что эти положения лишают несовершеннолетних обвиняемых приобретенного ими в соответствии с ранее действовавшим правовым регулированием и реализуемого в конкретных правоотношениях права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, а потому носят в отношении этих лиц, нуждающихся в повышенных гарантиях су-

дебной защиты, дискриминационный характер.

Итоговый вывод решения: пункт 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ, не предполагающий в системе действующего правового регулирования возможность рассмотрения судом с участием присяжных заседателей уголовных дел о преступлениях, совершенных лицами в возрасте до восемнадцати лет, которым в силу положений Уголовного кодекса РФ не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, определяет подсудность таких дел исключительно на основании закона, с учетом особенностей производства по уголовным делам несовершеннолетних и установленных для них дополнительных процессуальных гарантий, включая право на рассмотрение дела коллегией из трех профессиональных судей и расширенные возможности апелляционного обжалования, не может рассматриваться как ограничивающий право указанных лиц на судебную защиту и как таковой соответствует Конституции РФ.

В то же время этим не исключается правомочие федерального законодателя предусмотреть и иные, более дифференцированные способы обеспечения права на законный суд, в том числе на основе альтернативной подсудности, которые позволили бы районному суду удовлетворять по уголовным делам определенной категории ходатайство обвиняемого о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей и передавать данное уголовное дело в верховный суд республики, краевой, областной суд или другой равный им по уровню суд.

Мотивы решения. Право на рассмотрение уголовного дела судом с участием при-

сяжных заседателей, как оно определено статьей 20 (часть 2) Конституции РФ, безусловно распространяется лишь на обвиняемых в совершении тех преступлений, за которые в санкциях статей Уголовного кодекса РФ предусмотрена смертная казнь.

Поскольку определение категорий уголовных дел, подсудных суду с участием присяжных заседателей, равно как и изменение ранее установленной подсудности составляют исключительную компетенцию федерального законодателя (см.: *Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П*), предполагается, что при необходимости он вправе подвергать корректировке соответствующие правила подсудности уголовных дел.

Учитывая, что рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей в условиях сложившегося в России конституционно-правового режима, в рамках которого — с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, — происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни (см.: *Определение от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р*), не является неременным условием реализации обвиняемым права на судебную защиту как основного и неотчуждаемого права, гарантируемого Конституцией РФ, изменение федеральным законодателем — в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий — регулирования подсудности уголовных дел суду с участием присяжных заседателей само по себе не может рассматриваться как ограничивающее доступ к правосудию и затрагивающее существо права на законный суд, как оно определено Конституцией РФ.

Вместе с тем дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности принимать во внимание, что, по смыслу статей 20 (часть 2), 32 (часть 5), 47 (часть 2) и 123 (часть 4) Конституции РФ, судопроизводство с участием присяжных заседателей имеет особую конституционно-правовую значимость; соответственно, конкретизируя конституционные предписания о суде с участием присяжных заседателей и отказываясь от этой формы судопроизводства, федеральный законодатель должен действовать

не произвольным образом, а исходя из обусловленности дифференциации процессуальных форм судебной защиты обязанностью государства обеспечивать эффективность способов правовой защиты при соблюдении баланса конституционных ценностей, принципа правовой определенности и при безусловном гарантировании равенства перед законом и судом (см.: *Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П; Определение от 28 июня 2012 года № 1274-О*).

В порядке реализации указанных конституционных предписаний федеральный законодатель отнес к предметной подсудности, предусмотренной пунктом 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса РФ для верховных судов республик, краевых, областных и других равных им по уровню судов, уполномоченных в установленных федеральным законом случаях рассматривать уголовные дела в составе судьи и коллегии из двенадцати присяжных заседателей, уголовные дела об особо тяжких преступлениях, за которые соответствующими статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ предусматривается как смертная казнь в качестве исключительной меры наказания, так и пожизненное лишение свободы, определив тем самым суд, правомочный не только рассматривать уголовные дела об этих преступлениях, но и назначать такое наказание.

Учитывая, что в России пожизненное лишение свободы в настоящее время фактически замещает смертную казнь, а потому также может сопровождаться предоставлением обвиняемым в преступлениях, за которые предусмотрено его назначение, особых, повышенных гарантий судебной защиты, в том числе права на рассмотрение их дела судом с участием присяжных заседателей. Применительно к лицам, совершившим преступления в возрасте до восемнадцати лет, осуществленная федеральным законодателем дифференциация подсудности уголовных дел по признаку наиболее строгого наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, которое согласно положениям Общей части Уголовного кодекса РФ, предусматривающего данные виды наказаний в статьях его Особенной части, назначено быть не может, опирается на объективно обусловленные критерии, вытекающие из принципов гуманизма и справедливости.

В силу этого отнесение уголовных дел о преступлениях, за совершение которых в соответствии с положениями Уголовного кодекса РФ не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, к подсудности районных судов, не уполномоченных на вынесение приговора с назначением этих наказаний и не рассматривающих уголовные дела составом суда с участием присяжных заседателей, позволяет обеспечить всем лицам, которые обвиняются в таких преступлениях, совершенных ими до достижения восемнадцатилетнего возраста, равные процессуальные условия привлечения к уголовной ответственности и равные возможности судебной защиты.

Таким образом, в отношении лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, законодательно установлен прямой запрет назначения пожизненного лишения свободы или смертной казни, а также обязательное снижение минимального и максимального пределов нормативно установленного наказания в виде лишения свободы на определенный срок, что исключает неоднозначность в оценке возможности назначения им того или иного наказания и, следовательно, позволяет использовать соответствующие положения о пределах наказания несовершеннолетних лиц в качестве законодательного критерия определения подсудности их уголовных дел и выбора состава суда. Также с приведенными положениями уголовного закона коррелируют предписания регулирующей производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних главы 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

Такой порядок, как указал Конституционный Суд РФ, обеспечивает учет при применении уголовного закона социальных, возрастных и психофизиологических особенностей этой категории лиц и по своей сути является дополнительной гарантией защиты их прав и законных интересов, а также справедливого и объективного судебного разбирательства (см.: *Определение от 7 декабря 2006 года № 605-О*). Соответственно, специфика разрешения вопросов, связанных с установлением виновности несовершеннолетних в совершении уголовно-противоправных деяний, требует всестороннего учета особенностей их личности, что, в свою очередь, предполагает наличие у судей как субъектов осуществления

функции правосудия не только высокой квалификации, но и специальных познаний и навыков.

Хотя суд присяжных как форма рассмотрения уголовного дела не исключает в принципиальном плане его конфиденциальность, надлежащим образом условия для ее реализации обеспечиваются в более узкой коллегии принимающих решение лиц. Исходя из этого и учитывая особенности производства по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, исключение таких уголовных дел из подсудности суда с участием присяжных заседателей — притом что уголовный закон устанавливает запрет на назначение несовершеннолетним не только смертной казни, но и пожизненного лишения свободы как наиболее строгих видов наказания — не может рассматриваться как ухудшающее их положение с точки зрения конституционных требований обеспечения гарантий судебной защиты.

Введенное с 1 января 2013 года Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ новое правовое регулирование апелляционного, кассационного и надзорного производства по уголовным делам устанавливает для судов апелляционной инстанции качественно иной по сравнению с ранее действовавшим порядок проверки решений суда первой инстанции. В этой связи обжалование в апелляционном порядке судебных решений, вынесенных судом с участием присяжных заседателей, как следует из статьи 389.27 Уголовно-процессуального кодекса РФ в ныне действующей редакции, возможно лишь с точки зрения правильности применения норм права, что сужает пределы исследования с точки зрения правильности установления фактических обстоятельств уголовного дела.

Ограничение пределов апелляционного пересмотра приговоров, вынесенных на основе вердикта присяжных заседателей, обусловлено самой природой суда с участием присяжных заседателей и особыми полномочиями присяжных, которые отдельно от председательствующего судьи разрешают в условиях совещательной комнаты вопросы факта (о доказанности деяния, совершения его подсудным и виновности подсудимого в его совершении), основываясь при оценке доказательств и принятии решения преимущественно

но на своем жизненном опыте и сформировавшихся в обществе, членами которого они являются, представлениях о справедливости и не будучи обязанными мотивировать сделанные ими в вердикте выводы какими-либо доводами, исходя из чего возможность отмены или изменения постановленного на основе такого вердикта приговора по фактическим основаниям исключается (см.: *постановления от 8 декабря 2003 года № 18-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П и от 19 апреля 2010 года № 8-П; определения от 15 апреля 2008 года № 307-О-О, от 19 марта 2009 года № 217-О-О, от 25 ноября 2010 года № 1495-О-О, от 8 февраля 2011 года № 116-О-О, от 18 октября 2012 года № 1910-О, от 2 июля 2013 года № 1052-О и др.*).

Вместе с тем сужение возможностей апелляционного обжалования приговоров, вынесенных на основе вердикта присяжных заседателей, не должно приводить к ущемлению права, закрепленного статьей 50 (часть 3)

Конституции РФ. Исходя из этого рассмотрение уголовного дела судом с участием присяжных заседателей возможно лишь по ходатайству самого обвиняемого, которому разъясняются особенности рассмотрения уголовного дела данным судом и порядок обжалования судебного решения, с тем чтобы он мог предвидеть и взвесить правовые последствия своего выбора, который может оказаться весьма затруднительным, прежде всего для несовершеннолетних.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, утвержденные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 года 40/33 (Пекинские правила).

Обзор подготовили: Артем Маркин, Олег Одоев, Ольга Подоплелова. Редактор: Татьяна Храмова.